

А. Мажоров

Сезон белых плащей

пьеса

Андрей Мажоров
Сезон белых плащей

«Издательские решения»

2014

Мажоров А.

Сезон белых плащей / А. Мажоров — «Издательские решения»,
2014

ISBN 978-5-4474-0289-1

Каждый день, каждую минуту жизнь ставит нас перед необходимостью делать выбор. Бороться до последнего или сдаться без боя, остаться верным себе или наступить на горло собственной песне. Но наступает время, когда оглядываешься и неожиданно осознаешь, что иногда можно было поступить по-другому. А рядом растут дети, и им тоже надо выбирать, и они идут по той же дороге, которая превратила твой белый рыцарский плащ в жалкие серые обноски. Или все-таки у них есть шанс стать другими? Размышление в лицах об эфемерности прошлого, жестокости настоящего и, несмотря ни на что, надежде на будущее. О том, как в погоне за сиюминутными сомнительными радостями, за никчемной суетой и иллюзиями мы часто забываем о самом главном и дорогом в жизни. Пьеса завоевала первое место на конкурсе новой драматургии «Ремарка» (2014).

ISBN 978-5-4474-0289-1

© Мажоров А., 2014
© Издательские решения, 2014

Содержание

Действующие лица	6
Пролог	7
Действие первое	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сезон белых плащей

Андрей Мажоров

Первое место на конкурсе новой драматургии «Ремарка» (2014)

Все совпадения случайны

<...>

© Андрей Мажоров, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Автор считает песни неотъемлемой и очень важной частью произведения и предлагает ознакомиться с ними в процессе чтения пьесы:

В этом городе:<http://www.mazhorov.com/?p=859>

Она мечтала:<http://www.mazhorov.com/?p=867>

Скала:<http://www.mazhorov.com/?p=236>

Все совпадения случайны: <http://www.mazhorov.com/?p=870>

Поздно: <http://www.mazhorov.com/?p=501>

Действующие лица

Валерий Дмитриевич Панин – 47 лет, журналист

Александра Сергеевна Панина – 72 года, его мать

Татьяна Анатольевна Майорова – 43 года, домохозяйка

Андрей Иванович Майоров – 43 года, банковский служащий, ее муж

Юлия Андреевна Майорова – 23 года, аспирантка, их дочь

Рокер Паша – 25 лет, музыкант

Маша – 23 года, дежурная в отеле

Врач – 50 лет, хирург

Пролог

Последние дни апреля в небольшом северном городе. Утро. На скамейке в больничном парке сидит и читает местную газету Мать. Ее голова закутана в платок. На носу – старомодные очки. Она – в поношенном пальто и в выдавших виды ботинках. Чирикают птицы, пасмурно. Появляется Панин. Он – в стареньком белом плаще, который был в моде в восьмидесятых годах прошлого века, мятых брюках, нечищенной обуви, без шапки. В руках у него – бывалая спортивная сумка и гитара в простом матерчатом чехле. У него – землистый цвет лица, он плохо побрит, под глазами – мешки. Чувствуется, что он с похмелья.

П а н и н. Вот ты где спряталась...

М а т ь. Валера?!

П а н и н. Я, понимаешь, сразу в палату, а мне – кофе выпила, и гулять пошла...

М а т ь. Соседки смотрят «Модный приговор». А вечером будут смотреть «Давай поженимся». Я здесь возненавидела всех российских баб. Валера... Господи, откуда?

Панин бросает сумку, торопливо, но бережно кладет на нее гитару, неуклюже подходит к Матери. Та с трудом встает на ноги, роняя газету на землю. Потом подносит руки к лицу, снимает очки и так, с прижатыми к лицу руками и очками, утыкается в грудь Панину. Тот неумело пытается обнять ее за плечи.

П а н и н. Ну, что ты, мама... Ну, перестань. Я же приехал.

М а т ь. Как ты сюда попал, ведь у нас карантин.

П а н и н. Ну, не плачь... Ну, что ты...

М а т ь. Надо уйти за пищеблок, там погреб. За ними все прячутся. Не то главврач застукает. Он тут уже бродил с утра, глазами зыркал.

П а н и н. Мама...

М а т ь. Вообще-то он хороший. Как специалист. Но человек уж очень тяжелый. Я его давно знаю.

Мать слегка отстраняется от Панина, вытирает слезы, всматривается в его лицо. Панин хочет ее поцеловать, но она отстраняется еще больше.

М а т ь. Постарел. Ты завтракал?

П а н и н. В поезде перехватил. Неважно.

М а т ь. Опять «неважно».

Мать кашляет, достает носовой платок.

П а н и н. Пить только хочется.

М а т ь. У меня есть минералка! Но она в палате. Я сейчас!

П а н и н. Да ладно, перебьюсь.

М а т ь. Посидишь за погребками, пока я схожу. Только...

Снова сильно кашляет, держась за грудь.

М а т ь. Сейчас, погоди... Сейчас...

П а н и н. Да переживу я, не суетись! Погребка какие-то. Давай здесь посидим.

М а т ь и П а н и н опускаются на скамейку. Кашляя, М а т ь по-прежнему всматривается в его лицо. Тот поднимает с земли газету, разглаживает ее на коленях.

П а н и н. Ну, конечно, «Петровский вестник» родимый. И что пишут?

М а т ь. Что вторая жена не смотрит за тобой так же, как и первая.

П а н и н. Вторая, как и первая, смотрела только на себя. Сопровождая наблюдения нытьем о морщинах и целлюлите.

М а т ь. Так я и знала.

П а н и н. Я был ни при чем, но попадало все равно мне.

Читает в газете.

П а н и н. «Начальники новые – порядки старые». Понятно...

М а т ь. Что это значит – «был», «попадало»? Почему в прошедшем времени?

П а н и н. Ей все время не хватало денег. Она думала о них даже во сне. Потом просыпалась и думала о них в постели. До часу дня. Развод.

М а т ь. Ты же хорошо зарабатывал. А любовь? Ведь была же такая любовь!

П а н и н. Мама, никакой любви вообще нет. Есть три сущности: мужчина, женщина и деньги. Все, что происходит, лишь разные комбинации между ними.

М а т ь. Еще есть внуки. Вернее, их полное и, кажется, окончательное отсутствие. Ты давно сдавал кровь на сахар?

П а н и н. Сахар в крови на рождаемость не влияет.

М а т ь. Ты все время хочешь пить. Это может быть признаком диабета.

П а н и н. Это признак бессонных ночей. В купе образовался долговременный спаянный коллектив. Заметили гитару, отказать я не смог...

М а т ь. А откуда у тебя этот плащ?

П а н и н. Не помню. Кажется, подарил кто-то из жен. Давно. А что? Плащ как плащ.

М а т ь держит паузу, подбирая слова. Потом нерешительно гладит П а н и н а по рукаву.

М а т ь. По-моему, он уже не очень... модный.

П а н и н. Что ты говоришь!

М а т ь. Да и сезон белых плащей еще не настал.

П а н и н, наконец, закрывает газету и поворачивается к М а т е р и.

П а н и н. Зато настал сезон белых халатов. Этот ваш главврач не только людей гоняет, он их еще пугает до смерти!

М а т ь. Как... «пугает»?

П а н и н. Ведь это он мне телеграмму прислал – «срочно приезжайте».

М а т ь. Телеграмму? Он не говорил.

П а н и н. Не говорил? Забавный дядя.

Пауза.

П а н и н. Ну, не говорил и не говорил. Я бы и сам приехал! Пять суток на поезде, какие проблемы?

М а т ь. Кажется, я понимаю. Видимо, им нужно согласие родственников.

П а н и н. Согласие? На что?

М а т ь. На операцию. Он говорил про операцию. А родственник у меня один – это ты. Иван Петрович не в счет. Я с ним больше не живу.

П а н и н. Хоть одна приятная новость. А что у тебя такое?

М а т ь. Они говорят: «хроническая обструктивная болезнь легких». Вот как! Или сокращенно —«ХОБЛ».

П а н и н. Дела... Сложная операция?

М а т ь. Вырежут легкое, да и отпустят. На тот свет.

П а н и н. Ну что за шутки, ей-богу...

М а т ь. Впрочем, тут еще есть врачи. Я их знаю. Приезжала раньше.

П а н и н. Старая школа?

М а т ь. Проклятое советское наследие. Поэтому надежда еще есть.

П а н и н. Можно, я покурю?

М а т ь. Кури, конечно. А меня заставили бросить. Теперь, чтобы не курить, пью воду.

П а н и н. Ну и правильно.

М а т ь. Очень хороший способ. Как понервничаешь, наливаешь полный стакан. И медленно – главное, медленно – пьешь. Маленькими глоточками и с ощущением победы над собой.

П а н и н. Вижу перед собой полный стакан холодной газированной воды.

М а т ь. Сейчас принесу, погоди. Ты не сказал, как у тебя на работе?

П а н и н. Нормально пока.

М а т ь. А так – все по-прежнему? Рюкзак, ледоруб? Гитара, я смотрю...

П а н и н. Почему бы и нет? Но сейчас реже – получил отдел...

М а т ь. Молодец...

П а н и н. Пришел новый редактор. Племянник мэра. Двадцать семь лет, в профессии – полный идиот. Месяц просто сидел и кроссворды решал. Потом вдруг вызывает: «Вы, Валерий Дмитриевич, неплохой журналист, вот только темы берете какие-то неактуальные. Горные лыжи, прыжки с парашютом... Поисковые отряды... Это – нафталин, говорит, отрыжки застойного периода. Народу это не нужно».

М а т ь. Что же нужно народу?

П а н и н. Оказывается, почему педикам – извини! – нельзя ходить с флагами по проспекту Свободы. Или сколько деток оставила в нашем городе звезда шансона. Общечеловеческие ценности, говорит, надо проповедовать. Но – странно. Увидел телеграмму – и тут же выписал как бы командировку. Даже гостиницу оплатил.

М а т ь. Зачем гостиницу? Поезжай ко мне. Ключи я оставила у Веры Ивановны, она живет напротив, ты ее должен помнить.

П а н и н. Прости, мать, я же не знал про Ивана Петровича. И потом – отчет о командировке, туда-сюда. Как тут кормят?

М а т ь. Нормально. Не вздумай ничего таскать!

П а н и н. Я тебе телефон привез. Для связи.

Достает из сумки простой мобильный телефон для пенсионеров, отдает матери. Потом на своем телефоне набирает ее номер.

М а т ь. Вот это хорошо. Но, наверное, очень дорого?

П а н и н. Ерунда. Вызов у тебя будет такой... специфический. Как и у меня, ни с кем не спутаешь.

Из мобильного матери доносится сигнал вызова – песня из кинофильма «Самогонщики»: «Без каких-нибудь особенных затрат...»

М а т ь (*улыбаясь через силу*). Как раз для меня...

П а н и н. Теперь вот посмотри – отпечатался мой номер. По нему и звони. Или вот в функции «Имена», видишь? «Блудный сын» – это я и есть. По-библейски определено.

М а т ь. Ну, зачем ты так про себя. Боже мой, сколько здесь кнопочек...

П а н и н. Много тут разных... прозвищ. И функций.

Увлеченные телефоном, М а т ь и П а н и н не замечают, как к ним подходит В р а ч – полный, лысеющий человек в белом халате.

В р а ч. Это уже все границы переходит! Это возмутительно просто! Как вы вообще сюда попали?

М а т ь. Ой...

В р а ч. Молодой человек, немедленно покиньте клинику! Госпожа Панина, сейчас же пройдите в палату!

П а н и н. Что же вы так кричите? Вот так преступление! Сын к матери приехал.

В р а ч. Вы что – по-русски не понимаете? Вон за ворота!

П а н и н. Сначала телеграммы шлют, потом гонят!

В р а ч. А, так вы – Панин? Ну, исполать вам, сыночек! (*Кланяется.*) Сподобился, слава те, Господи!

П а н и н. Да, Панин. Валерий Дмитриевич. Заведующий отделом краевой газеты «Таежные дали».

В р а ч. Замечательно. Однако не могу не напомнить вам, глубокоуважаемый Валерий Дмитриевич, что вирусы гриппа в должностях-то не очень разбираются. Будь вы хоть самый главный редактор.

М а т ь. Вы простите нас, доктор. Валера так долго ехал. И мы так давно не виделись.

В р а ч. Понимаю. Но вам со дня на день предстоит сложнейшая операция. Риски здесь недопустимы. И любые контакты должны быть совершенно исключены.

П а н и н. Я абсолютно здоров, не беспокойтесь.

В р а ч. А ваше здоровье, представьте, меня ну никак не волнует. Хотя оно и слегка пошатнулось, как я погляжу.

П а н и н. Не надо намеков.

М а т ь. Ради Бога, простите нас. Просто столько лет... Я сейчас же уйду. Можно, только водички Валере принесу?

В р а ч. Ему бы сейчас другое не помешало, вашему Валере.

П а н и н. А вы бы не хамили.

М а т ь. Валера!

П а н и н. Что ты перед ним унижаешься, мать? Тоже мне, Айболит Иванович! Ладно, уйду я. Раз тут такое гестапо! К-карантин...

В р а ч. Вот-вот. Идите отсюда, и не просто идите...

П а н и н. Мама, я завтра снова приду.

В р а ч. Ну, это мы посмотрим...

М а т ь. Валера, не сердись. Доктор прав... Давай прощаться. Ты приехал и мне теперь легче. Теперь у меня есть телефон, я буду тебе звонить. Каждый день.

П а н и н. Ты держись, мать. Пробьемся.

М а т ь. Пробьемся!

В р а ч. И не вздумайте целоваться!

М а т ь медленно, то и дело, оглядываясь, уходит. Пауза.

В р а ч. Сколько лет вы ее не навещали?

П а н и н. Вам-то какое дело?

В р а ч. Лет десять, я думаю. А то и больше.

П а н и н (*раздельно, чеканя слова*). Не лезьте в чужую жизнь.

В р а ч (*неожиданно мягко*). Жизнь? Да уж лучше в жизнь, чем... Курить есть?

П а н и н достает сигареты, дает В р а ч у.

П а н и н. Врач, исцелился сам.

В р а ч. Благодарствуйте.

Садится на скамейку, закуривает. Панин продолжает стоять, покачиваясь с пятки на носок.

В р а ч. Садитесь, что вы качаетесь?

П а н и н (*негромко*). Насколько я понимаю, пока сам пациент в сознании, согласия от родственников не требуется. Что с ней?

В р а ч. Рак правого легкого. Очень запущенный. Но ей об этом знать не надо. Понятно?

П а н и н. Рак?...

В р а ч. Попробуем спасти. Шансы еще есть, хоть и мало. Вы мне нужны как... моральная поддержка. Вы сядете, наконец?

П а н и н медленно опускается на скамейку рядом с В р а ч о м.

П а н и н. Может... перевезти ее куда-нибудь?

В р а ч. Не доверяете? Ну, давайте, везите. Только время потеряете. А там и не возьмутся, уверяю вас. И я бы не взялся. А вот профессор Феоктистов берется. Кстати, он-то как раз из Москвы.

П а н и н. Это... сколько-то стоит?

В р а ч (*насмешливо*). Желаете проспонсировать? И гитарку для этого прихватили? А может, расчет на небывалые гонорары в этой вашей... как ее... краевой газете?

П а н и н. Я задал вопрос.

В р а ч. Нет уж, спасибо. Как-нибудь обойдемся.

Пауза. В р а ч тяжело встает, нервно тушит сигарету о край урны.

В р а ч. Государство, тишкина жизнь... В онкоцентре, в палатах, народу набито в четыре раза больше, чем положено по нормам. Оборудование сгнило все, медикаментов нет, медперсонал разбегается... Все к черту разрушилось, а нам бы только песни петь.

П а н и н. Разрушили.

В р а ч. Что? Да какая разница...

П а н и н. Если уж так все плохо...

В р а ч. Ну?

П а н и н. Почему ваш Феоктистов берется?

В р а ч (*засовывает руки в карманы халата, делает несколько шагов вдоль скамейки*). Лет двадцать пять назад, в ранге первого секретаря горкома, она открывала эту самую нашу боль-

ницу. И представила коллективу главврача. Тогда еще очень молодого пульмонолога Феоктистова. А до этого лично отстояла его на бюро горкома. Ну, там доносы всякие, пятый пункт... Такое не забывается.

П а н и н. Вы полагаете?

В р а ч (*резко останавливаясь*). Кстати, с тех пор в Петровске не построили больше ничего. Вообще ничего. Если не считать памятного знака на привокзальной площади и торгово-развлекательного комплекса с ночным клубом и подпольным казино. Где гитаристы играют.

П а н и н. Вы... это мне для чего сейчас говорите?

В р а ч. Чтобы помнили.

П а н и н. На память не жалеюсь.

В р а ч. Похвально. Но в случае с вашей матерью звучит неубедительно.

П а н и н. Слушайте, вы!

В р а ч. Что – «слушайте»? Что – «вы»? Знаете, как она вас ждала? Как они, старики, вас всех вообще ждут? «У Валеры очень трудная работа. Он часто остается за редактора. Его просто не отпускают. Его все любят, он такой талантливый, он такие песни пишет!». А Валера является только через две недели, по всему виду, после жестокого запоя, да еще и с гитарой! Нашел место и время. Менестрель...

Врач быстро уходит со сцены. Перед тем, как скрыться, на мгновение оборачивается и говорит уже другим тоном, спокойным и деловым.

В р а ч. Не обижайтесь. Просто без вас нам ее не вытащить.

Врач уходит. П а н и н медленно встает, берет в руки гитару, смотрит на нее. Потом вдруг судорожно проводит по лицу другой, трясущейся рукой.

П а н и н. Сезон белых плащей... Мама.

После этих слов кусает ладонь и замирает. Падает занавес. В качестве музыкальной интермедии звучит песня «В этом городе».

В этом городе так ненадежна и зыбка весна
И возврат холодов наблюдается в майские дни.
И ветра так нездешне скулят у окна...
Даже днем здесь в квартирах не гаснут огни.

В этом городе есть пять театров, Дом куклы и знак,
Что стоит у вокзала, о прошлых победах скорбя...
Стадион есть... Конечно, с названьем «Спартак»...
Но представь: нет тебя, нет тебя, нет тебя...

Я давно догадался, что в городе что-то не так
А теперь понимаю – ему не хватает тебя.

Триста лет здесь живет большей частью народ трудовой
Двести семьдесят тысяч дорог, нареченных «судьбой».
Но одной здесь не сыщешь дороги такой,
По которой могли бы пройти мы с тобой.

В этом городе – пристань пяти отдаленных морей
Здесь швартгуют суда, о разлуках и встречах трубя...
Тридцать банков, больницы, прекрасный музей...
Но представь: нет тебя, нет тебя, нет тебя!

В этом городе много хороших и верных друзей,
Только мне очень плохо у них без тебя

В этом городе есть замечательный древний собор
С куполами, летящими в синюю вечную высь...
Сотворись! Из весенних карельских озер,
Из дождей... И из старой тоски – сотворись!

Действие первое

Сутки первые. Холл в маленькой гостинице «Прибрежная». За стойкой регистрации сидит юная Маша, старающаяся казаться взрослой. На стойке рядом с ней – стеклянный пузырь с карамельками. За ее спиной, на стене, круглые циферблаты с надписями «Нью-Йорк», «Лондон», «Париж». Настенные часы с надписью «Москва» показывают 11.15. В холле – столик с газетами и потрепанными глянцевыми журналами, пара пластиковых кресел, информационный стенд, закрытая типовая дверь с надписью «Café». На двери висит табличка «Closed». П а н и н – встрепанный, в расстегнутом плаще, горячо объясняется с М а ш е й. У его ног – сумка и гитара, брошенные небрежно.

П а н и н. Я пять суток не спал! С дороги я, ну как не понятно!

М а ш а. Странные какие. У нас тут все – с дороги. Я вам повторяю – заселение производится только после 12.00.

П а н и н. Вас что – устроят эти несчастные полчаса?

М а ш а. Смотрите. Вы же сами не захОчете в неубранное. Еще и возмущаться станете.

П а н и н. Да черт с ним, с неубранным! Я неприхотливый. Я – альпинист! Дома иногда я ночую в спальном мешке.

М а ш а. Не топят у вас? У нас тоже дубак бывает. Скоро все в мешки полезем.

П а н и н. Ну, при чем здесь топят – не топят. Просто привычка.

М а ш а. А жена ваша как... тоже – в мешке?

П а н и н. Слушайте, девушка, дайте мне ключ, я сам приберусь.

М а ш а. Ваша организация забронировала номер с двенадцати. Пожалуйста, подождите. Возьмите конфетку.

П а н и н. Да черта мне с вашей конфетки!... Вода у вас есть хотя бы?

М а ш а. Смотрите. По коридору направо и налево, в тупичок. Там туалет.

П а н и н. Черт! Я не хочу в туалет! Я пить хочу!

М а ш а. Ну, там и попьете. У нас можно из-под крана.

Пауза.

П а н и н. Как вы интересно говорите.

М а ш а (*перебирая какие-то бумаги*). Ничего тут интересного. Заводы в городе все стоят, как после оккупации. Развал и погибель. Зато вода теперь экологически чистая.

П а н и н. Интересно – в смысле, без гласных. Вы их глотаете, что ли? Или просто не выпускаете?

М а ш а. Не пОняла. Куда не выпускаю?

П а н и н. Наружу. Где-то они у вас там... западают.

М а ш а. Ну, не знаю. Здесь все так говорят. Может, вам чайку вскипятить?

П а н и н. Чай? Вот это правильно. Вот это очень правильно. Сделайте одолжение.

М а ш а достает из-под прилавка электрочайник, чашку с блюдцем, сахарницу. П а н и н, подняв с пола сумку и гитару, оглядывается, идет к журнальному столику.

М а ш а. Вы даже не представляете, как мы тут мыкаемся.

П а н и н. Почему же не представляю. Я сам мыкаюсь.

М а ш а. Хуже только гастарбАйтеры живут. А у вас, в Сибири, есть они?

П а н и н. Имеются.

П а н и н садится, достает из сумки журнал «Наука и жизнь», смотрит на часы, со вздохом раскрывает.

М а ш а. Была тут у нас делегация. Из Казахстана. Ничего, обходительные. Шапку свою подарили.

М а ш а достает из-под прилавка азиатский головной убор, зеркало и начинает примеривать.

М а ш а. Видели такое? Нравится? Правда, мне идет?

П а н и н. Эта штука называется «тебетей».

М а ш а. Тюбетеечка такая...

П а н и н. Это киргизы были, не казахи.

М а ш а. Позитивные такие.

П а н и н. Разные они. Как и мы.

М а ш а. Когда Союз развалился...

П а н и н. Развалили.

М а ш а. Что? Ну да, развалили. Все озверели прямо, дружка на дружку кидаются. А у вас, в Сибири, тоже мужиков меньше? Чем женщин?

П а н и н. Смотря где. В нашем городе, например, почти поровну.

М а ш а. А у нас зато – одни бабы. Замуж выйти практически невозможно. Просто подлость закона.

П а н и н. Как?

М а ш а. А какие остались – пьют без просыху. Как же нам без таджиков? Кто работать-то будет? Вам сахару сколько лОжить? Один, два?

П а н и н. Ложьте два.

М а ш а. Я вам еще лимончика порежу.

П а н и н. Просто слов нет!

Из коридора быстро и энергично выходит Ю л я. Она в дорогом полушубке, в красивых высоких сапогах. Длинные пышные волосы распущены по плечам, кажется, что со сцены в зал пошла волна духов. Золотые украшения подобраны со вкусом. Натягивая тонкие перчатки, Ю л я подходит к стойке регистрации. М а ш а торопливо снимает тебетей, прячет его.

Ю л я. Привет. Мой тут не пробегал?

М а ш а. Разве что проползал.

Ю л я. Нормально нельзя ответить? Отель, блин.

М а ш а. Ваш. Тут. Не. Пробегал.

Ю л я. Наверху его нет, значит, тут пролез. Вот что ты здесь вообще сидишь?

М а ш а. Если не верите, спросите вон у мужчины.

Ю л я оглядывается, замечает П а н и н а, читающего журнал. Пожимает плечами, омаатривая его с недоверием. Но все же подходит к нему, так же энергично.

Ю л я. Извините.

П а н и н. Да?

Ю л я. Вам не попался тут один молодой человек? Такой... Типа... рокер. В шапке вязаной и джинсах?

М а ш а. На попе отвисших.

П а н и н. Нет. Впрочем, я никогда не видел рокеров в вязаных шапках.

Ю л я. Вот же – гитара у вас.

П а н и н. И что?

Ю л я. Должны были видеть

П а н и н. Ничего я вам не должен, сударыня.

Маша приносит Панину чашку чая, ставит перед ним на столик. Смотрит на Панина с уважением, на Юлю – с неким торжеством. Юля снова пожимает плечами, поправляет волосы, отходит к стеклянной входной двери, смотрит на улицу.

Ю л я. Ну и гостиница... Ночью спать не давали, теперь хамят.

П а н и н (*Маше, преувеличенно громко*). Спасибо, милая!

М а ш а. Не за что. Печеньку не желаете?

Панин, жадно прихлебывая чай, мотает головой.

Ю л я. Разлетелась. В ресторане его покормят. И похмялят.

П а н и н. Вот это уже не ваша забота, девушка. С чего это вы решили, что мне обязательно нужно в ресторан?

Ю л я. А кто вчера тут, извините, вопил на весь город про «ах какую женщину?» Лабали так, что стекла тряслись!

П а н и н. Я не лабаю по ресторанам, с чего вы взяли?

Ю л я. Так... Прикид у вас стремный. Почему плащ оторвали?

М а ш а. А что такого? Был банкет, закончили вовремя. Нормальный бизнес. Клиентам, между прочим, нравится.

Ю л я. Можно еще в переходах бренчать. Тоже хорошо подают.

П а н и н. Опять ошибка. Староват я для переходов.

М а ш а. У нас и переходов-то никаких нет.

Ю л я. Да, дыра у вас редкостная. Значит, остается самое мерзкое. Вы – бард.

П а н и н. Ну, допустим.

Ю л я. Не люблю бардов.

П а н и н. И правильно.

Ю л я. Барды – это такие вечные неудачники с грязными ногами.

П а н и н. Жизненный опыт у вас – не позавидуешь.

Ю л я. Старые, обрюзгшие, с жалкими улыбочками. Воют чего-то... непонятное. Короче, самодеятельность.

П а н и н. Вот здесь я с вами точно не соглашусь. Некоторые теперь играют не хуже, чем в филармониях.

Ю л я. А что играют-то? О чем поют? Все про каких-то пиратов и прачек. Достали уже просто. Или про то, что в какой-то там Тарусе только петухи да гуси. Ну, что это такое? Нацепят улыбочки свои опухшие, и пошли – «надоело говорить и спорить». Сами уже всем надоели до чертиков.

П а н и н. Так вы не слушайте.

Ю л я. Как же – «не слушайте». Только телик включишь – вот они, красавцы. Улыбаются и воют.

П а н и н, наконец, не выдерживает, прыскает в чашку и смеется. Глядя на него, начинает улыбаться и М а ш а.

Ю л я. Ничего смешного. *(В сторону, вполголоса.)* Идиоты...

Из коридора выходит М а й о р о в – полный, холеный, в элегантном пальто, тщательно причесанный. Из-под расстегнутого пальто видны безупречная белая рубашка, дорогой галстук, шелковый шарф. Покосившись на смеющегося П а н и н а, обращается к Ю л е.

М а й о р о в. Ну что – не нашла?

Ю л я. Опять как в воду канул.

М а й о р о в. На улице смотрела? Может, к машине пошел. Мама звонила – уже на подъезде.

Ю л я привычно пожимает плечами и выходит из гостиницы. М а й о р о в снова смотрит на П а н и н а, потом обращается к еще улыбающейся М а ш е, протягивая ключ от номера.

М а й о р о в. Ничего себе – апартаменты у вас. Вода в раковине стоит, как в болоте.

М а ш а. Оставьте, пожалуйста, заявочку на сантехника.

М а й о р о в. А что, без бумажки никак нельзя? Просто позвонить нельзя?

М а ш а. Смотрите. Это не просто формуляр. Это форма отчетности.

М а й о р о в. Мне-то что за дело?

М а ш а. Вот где галочка – просто распишитесь, пожалуйста. Извиняюсь, такой у нас порядок.

М а й о р о в *(расписываясь привычно, размахисто)*. А в три часа ночи сосед в душ полез. Плескался там, как тюлень, и почему-то скулил. Жалобно так. Но спать-то все равно не давал.

М а ш а. Сосед ваш сегодня съехал. Он вчера в казино продулся.

М а й о р о в. Да? И сильно?

М а ш а. Все спустил абсолютно. Рыдал тут полночи, рубашку на себе рвал. Вахтенный, проездом в Египет.

М а й о р о в *(снова оглядываясь на П а н и н а)*. Так селите их хотя бы через номер. Все равно гостиница пустая стоит.

М а ш а. Обязательно учтем.

М а й о р о в. И первый канал не работает. Какую-нибудь Турцию идеально показывает, а своих – обязательно с рыбью и без звука.

М а ш а. Заявочку, пожалуйста, оставьте – на антенщика. Спасибо за уделенное время.

М а й о р о в. Да что же это у вас везде, куда ни плюнь – все через бумажку? Кемпинский, ёлкина мать! Хилтон прибрежный!

В это мгновение из кармана панинского плаща раздается телефонный вызов – песенка «Без каких-нибудь особенных затрат». Панин быстро встает, отворачивается от М а ш и и М а й о р о в а, нажимает на кнопку приема.

П а н и н. Да, мама, слушаю тебя. Все в порядке, уже в гостинице давно. Да, да... В двух шагах от нашего дома. Новая, недавно открыли.

М а й о р о в с ручкой в руке подходит к П а н и н у и начинает бесцеремонно его разглядывать. Заметив это, П а н и н отворачивается больше, но М а й о р о в обходит его сбоку и, уперев руки в бока, рассматривает его еще нахальней.

П а н и н. Как у тебя дела? Я говорю, как ты сама себя чувствуешь?

М а й о р о в. Ёханный бабай!

П а н и н. Да нормально все. Сейчас заселюсь и поем где-нибудь.

М а й о р о в. Так не бывает!

П а н и н. И воды куплю.

М а й о р о в. Петруччо?!

П а н и н (*закрывая ладонью телефон, М а й о р о в у*). Не ори.

М а й о р о в (*декламирует*). «Она меня тем временем честила негодным струнодером и болваном, и всякими поносными словами...»

П а н и н (*улыбнувшись*). «Клянусь душой, веселая девчонка...» Нет, мама, что ты, это я не тебе. Да ну что ты! Это тут один вампир из гроба восстал. Это у нас, у вампиров, пароль такой.

М а й о р о в. Петручидзе!!!

П а н и н. Ну, что ты будешь делать? Мамуля, прости, он все равно не отстанет. Я тебе вечером перезвоню, ладно? Ну, пока...

М а й о р о в. Панин! Валерка!! Петруччо!!!

П а н и н. Здравствуй, Андрюша!

П а н и н и М а й о р о в обнимаются.

М а й о р о в. Двадцать лет! Постой – двадцать три уже!

П а н и н. Я и не заметил.

М а й о р о в. А я гляжу – физиономия, вроде, какая-то родная. Он, думаю, или не он?

П а н и н. А я тебя сразу узнал. «Сантехника мне! Антенщика мне!».

М а й о р о в. Валера... Ты почему здесь?

П а н и н. Приехал мать навестить. Это же моя родина – Петровск.

М а й о р о в. Да? А работаешь все там же? В далях своих таежных?

П а н и н. Там же. А ты? Тянешь лямку-то?

М а й о р о в. Бросил давно. Хватит, наелся. Я теперь, брат, в Москве. Я теперь, брат, начальник управления общественных связей Эс-Банка.

П а н и н. Ого!

М а й о р о в. Есть немного.

М а ш а (*положив трубку телефона*). Валерий Дмитриевич, можете заселяться. Ключик возьмите.

М а й о р о в. «Валерий Дмитриевич!» Дай, помогу, Валерий Дмитриевич. (*Подхватывает сумку П а н и н а.*) О, и здесь гитара! Струнодёр ты чёртов! Спишь ты с ней, что ли?

П а н и н. Решил заодно родной КСП проведать. Они давно звали. (*Берет у Маши ключ, читает еебейдж.*) Спасибо... Машенька. Я вам что-то должен? За чай?

М а ш а. Подарок от заведения, Валерий Дмитриевич!

М а й о р о в. «Валерий Дмитриевич!» Да знаете ли вы, девушка, кто такой этот самый «Валерий Дмитриевич»?

М а ш а. Очень приятный мужчина.

М а й о р о в. Это был лучший бард факультета! Его фотки девчата на тумбочки ставили. Мы битлов ставили, а они – Панина!

П а н и н. Тогда еще и слова такого не было – «бард».

М а й о р о в. Альпинист! Парашютист! Каратист, ёлкина мать!

П а н и н. Ну, давай, давай...

М а й о р о в. Вернется из Теберды какой-нибудь – загорелый, крутой, загадочный...
И давай девкам головы крутить!

П а н и н. Стой, я журнал забыл. *(Посмеиваясь, возвращается к столику. М а й о р о в за ним.)*

М а й о р о в. Что за журнал? Ну, конечно – «Наука и жизнь». Он что – выходит еще?

П а н и н. Только дорогой, зараза.

М а й о р о в. А в сумке, конечно, шахматы. Постой, угадаю: такие дорожные, с дырочками. Ведь есть же? Есть?

П а н и н *(кокетливо)*. На магнетиках.

М а й о р о в. Петруччо... Ах ты, черт старый! Старый ты хрен! Дай я тебя облобызаю!
(Снова пытается обнять П а н и н а, тот уворачивается.)

П а н и н. Да хватит уже, что о нас Маша подумает...

М а й о р о в. Немедленно вспрыснуть!

П а н и н. Дай хоть сумку бросить.

М а й о р о в. Вот Танька приедет сейчас, петроглифы ее к черту отменим, закатимся в «Купеческий двор» – я был, нормально – и окропим!

П а н и н. Таня... тоже здесь?

М а й о р о в. Здесь, здесь, где ж ей еще быть. В церковь поехала, к заутрени. Тут храм есть прекрасный.

П а н и н. Что-то за ней раньше не замечалось.

М а й о р о в. В Москве из дома не выгонишь, а как выберемся куда-нибудь – платок повяжет и давай по церквям шастать.

П а н и н. Это модно сейчас.

М а й о р о в. Нет, у нее серьезно. Кстати, и у меня. Я, брат, тоже воцерковился. Лет пять назад.

П а н и н. Сподобился, значит. Ну, правильно.

С улицы в гостиницу шумно входят Т а н я и Ю л я. Стоит ли упоминать, что и на Т а н е все самое дорогое и изысканное: меха, сапоги, золото, макияж. Впрочем, белый пуховой платок на голове повязан слегка небрежно. Она очень ухожена, красива и свежа, несмотря на известный возраст.

Ю л я. Карета подана!

Т а н я. Майоров, ты уже сдал ключ? Мне на секунду.

Внезапно, увидев П а н и н а, замирает на месте. Ю л я с недоумением смотрит на нее, потом на П а н и н а и М а й о р о в а.

П а н и н *(неожиданно хриплым голосом)*. Долго жить будете, Татьяна Анатольевна.

М а й о р о в. Ну? Узнаешь? Кто этот мощный старик?

Т а н я. Боже мой...

М а й о р о в. Именно!

Т а н я. Валера?!

П а н и н. Здравствуй, Танюша.

М а й о р о в. Ну? Чего встали, как «укопанные»? Целуйтесь, давайте!

П а н и н и Т а н я неуверенно и как-то неумело целуются «в щеку», как бы клюют друг друга.

П а н и н. Нет, не так. По-русски давай. Вы же с Андрюшей уверовали, как стало известно широкой общественности.

Т а н я. Давай... по-русски.

П а н и н и Т а н я целуются «в щеку» еще дважды, на этот раз крепче. М а ш а и Ю л я смотрят на них, как говорится, во все глаза, М а й о р о в, уперев руки в бока, радостно улыбается.

Т а н я. Что ты здесь делаешь?

П а н и н. К матери приехал. Я же местный.

Т а н я. Да, точно... Ты рассказывал. Господи, сколько лет прошло!

Т а н е и хочется разглядеть П а н и н а получше, и стеснительно отчего-то: то посмотрит на него пристально, то тут же отведет взгляд. Кажется, что вся ее роскошь неожиданно поблекла, обесценилась. П а н и н же, напротив, словно обрел непонятную уверенность, расправил плечи и смотрит на Т а н ю с нескрываемым интересом.

М а й о р о в. Так двадцать три уже, мать! По нашей Юльке считай!

П а н и н. Точно. Двадцать три года, как мы... клятву дали.

Ю л я. В чем же, интересно, клялись вы и мои родители?

П а н и н. В верности родной коммунистической партии.

М а й о р о в. И ее марксистско-ленинской печати.

Ю л я. А как клялись? На крови, что ли?

П а н и н. Главным образом, на портвейне.

М а й о р о в. Такая традиция, Юленька, была: пятого мая, в День печати, выпускники журфака приходили на Марсово поле и там давали соответствующую клятву.

П а н и н. Все хором орал: «Клянусь!» На все это самое Марсово поле бУхали. Чехи, негры, наши – все хором. Даже израильтянин один. А потом переглядывались и посмеивались. Как-то неудобно было. Только я-то, братцы, клялся на два года раньше, чем вы. Я уже был «дедушка». А вы были «салаги».

Ю л я. Теперь остается только понять, при чем тут коммунистическая партия. Вы же ходили на Марсово поле. Так?

М а й о р о в. Ну, да.

Ю л я. А ведь там захоронены «жертвы февральской революции». «Кэк бе» демократы. Не стыкуется.

Т а н я *(словно опомнившись)*. Сразу видно нашу золотую медалистку! *(Гладит Ю л ю по плечу.)*

П а н и н. А мы и были демократы.

М а й о р о в. Были и остались.

П а н и н *(оглядев его с иронией)*. Ну да, ну да...

Пауза.

М а й о р о в. Вот, Юля, познакомься: это Панин, Валерий Дмитриевич. Наш с мамой студенческий друг. Журналист, альпинист и визборист.

Ю л я. Последнее не поняла.

П а н и н *(торопливо)*. Да мы уже познакомились.

Т а н я. Валерий Дмитриевич замечательно поет песни Визбора. Был такой знаменитый бард.

М а й о р о в. Валерий Дмитриевич и сам прекрасно пишет. Лауреат всевозможных фестивалей.

Ю л я. А.

П а н и н. Мы уже выяснили, что Юля не любит бардов.

Т а н я. Просто она не слышала, как ты поешь. Ей попадались не лучшие... экземпляры.

Ю л я. Мама!

М а й о р о в. Петруччо, покажи ей сегодня класс! Как надо на гитаре играть.

Ю л я. Не желаю я никакого класса!

М а й о р о в. Ты же хотела научиться. (*П а н и н у.*) У меня с ней терпения не хватает.

Т а н я. Юля у нас прекрасная пианистка.

Ю л я. Слушайте, родители, мне не нравится этот жанр!

М а й о р о в. Ну, так просто посидишь.

Ю л я. Мазы нет.

П а н и н. Чего нет?

Т а н я. Это означает – нет настроения. Кстати, а где Павел?

Ю л я. Не знаю я, где Павел. Пропал. Испарился. Свинтил.

Т а н я. Юля, иди в машину, скажи Сереже, что мы сейчас будем. Что-то я хотела в номере... А, ладно. Ну, иди.

Фыркнув, Ю л я выходит из гостиницы. Повисает пауза. Что-то бормочет М а ш а, говоря по телефону. Где-то включили радио, стукнула дверь наверху.

М а й о р о в. Чего ты ее услала? Подумаешь, фифа. Не хочет она.

Т а н я. Валера, мы тут на озеро собрались, Майоров тур заказал. Здесь есть уникальные петроглифы. Такие каменные письма.

М а й о р о в. «Киса и Ося здесь были».

Т а н я (*отмахиваясь от мужа*). Давай с нами? А потом – в музей. Здесь есть отличный краеведческий музей.

М а й о р о в. О, правильно. Поезжайте! А я – в магазин, все равно все не поместимся. Здесь есть уникальные местные настойки. Петруччо, на клюковке! А?

Т а н я. Тебе что врач сказал?

М а й о р о в. Так они же лечебные!

П а н и н. Лечебные можно. И я бы подлечился! Но, Танюш, сейчас бы просто в душ забраться. И поспать. Пять суток на поезде, подо мной еще пол качается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.